

АВЕРБУХ К. Я.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТЫ

Вариантность как фундаментальное и всепроникающее свойство языка в последние годы все более привлекает внимание исследователей [1]. Изучение вариантности в общезыковой сфере имеет большое научное значение в плане исследования онтологии этого явления, а в области терминологии приобретает, кроме того, большое методологическое и практическое значение, ибо варьирование обуславливает в сфере специальной речи явления, с которыми давно и настойчиво борются. В настоящей статье предпринимается попытка исследования онтологии терминологической вариантности с последующим применением его результатов в области терминологической лексикографии и деятельности по регулированию стихийно сложившихся терминосистем.

Варьирование в соответствии с общепринятой концепцией — это форма существования лингвистических единиц. Наиболее последовательно, с нашей точки зрения, современное понимание языковой вариантности сформулировано В. М. Солнцевым [2].

При исследовании явлений вариантности следует иметь в виду, что могут быть два подхода к языковым фактам — физический и функциональный. «Физическая концепция характеризуется стремлением установить определенную зависимость между степенью физических (материальных) отличий означающих разных элементов и их означаемыми. Функциональная же концепция предполагает выделение функциональных единиц и проведение сопоставлений уже на уровне этих функциональных единиц. При таком подходе диапазон варьирования лексических единиц значительно расширяется: в качестве лексических позиционных вариантов представят не только однокоренные слова с разными, но омонимичными аффиксами, а в равной степени и разнокоренные слова (то есть слова с совершенно различными означаемыми), которые до сих пор никто не признавал вариантами» [3, с. 36—37].

Термин — понятие функциональное (т. е. субстанционально являясь словом или словосочетанием, термин отличается от других лексических единиц тем, что исполняет функции знака профессионального понятия). В этой связи вполне естественным представляется функциональный подход к исследованию вариантности термина, ибо именно установление тождества функций у сопоставляемых единиц номинации является необходимым и достаточным для констатации отношений вариантности между ними. Это не исключает, однако, возможности применения и физического подхода к изучению терминологической вариантности, который до настоящего времени использовался даже чаще.

Исходя из того, что функция термина — быть знаком профессионального понятия, инвариантом для ряда вариантов термина, различающихся исключительно в плане выражения, будет план содержания, точнее та его часть, которая соотносится с выражаемым понятием (сигнификатом).

Явление терминологической вариантности имеет ряд специфических черт, обусловленных спецификой термина. Для общезыкового слова варьирование знаковой формы возможно в пределах тождества этой формы самой себе (*лиса* — *лисица*, *ноль* — *нуль*); для термина же возможности варьирования плана выражения ограничены лишь способностью выражать то же самое понятие. Только в том случае, когда выражаемое варьи-

рующей единицей понятие становится отличным от функционально обусловленного, можно говорить о появлении нового термина, — функционально иной единицы номинации.

Семантические явления различного соотношения плана содержания и плана выражения описываются лингвистикой как синонимия, омонимия и полисемия.

Синонимия. В отличие от общезыковой сферы, где явление синонимии связывается с наличием сходных значений у сопоставляемых лексических единиц, в сфере терминологии принято считать, что термины-синонимы выражают идентичные значения, поэтому их называют дублетами. Между тем явление терминологической синонимии дублетностью не исчерпывается и порождается, главным образом, тремя факторами: 1) активным заимствованием, вследствие чего появляются и сосуществуют в специальных языках пары терминов, один из которых — исконный, а другой — заимствованный (*языкознание* — *лингвистика*, *червяк* — *шнек*); 2) метонимическим употреблением одного из терминов синонимической пары (или ряда), например: *прогностика* — *футурология*, *лексика* — *словарь*; 3) наличием у изучаемой или осваиваемой реальности различных наименований в зависимости от того, с позиций какой предметной области реальность рассматривается: *лавсан* (торг.) — *тереplast* (техн.) — *полиэтилентерефталат* (хим.).

Полисемия, омонимия. В общезыковой сфере часто бывает трудно провести четкую грань между явлениями омонимии и полисемии: две идентичные в плане выражения лексические единицы признаются либо разными словами, либо одним словом, обладающим разными значениями. В сфере терминологии этот вопрос, думается, может решаться однозначно, если исходить из того, что каждая терминосистема рассматривается как лексико-семантическое ядро языка или подязыка, обслуживающего коммуникативные потребности той или иной предметной области, в рамках которой функционирует данный термин. В каждой конкретной терминосистеме за термином закреплена определенная дефиниция, а в сфере функционирования он используется в соответствии со значением, заданным этой дефиницией. «Встреча» межсистемных омонимов в одном контексте практически исключена. Явление терминологической омонимии порождается в большинстве случаев тремя факторами: 1) существованием в различных, достаточно удаленных друг от друга понятийно-терминосистемах одинаково звучащих (одинаково пишущихся) единиц номинации, семантика которых абсолютно различна, а мотивированность тождества их знаков либо вообще отсутствует, либо утрачена в процессе длительного функционирования в разных сферах (*морфология* в естественнонаучных дисциплинах и лингвистике, *операция* в военном и банковском деле, медицине); 2) метафорическим употреблением того или иного термина или общезыкового слова в другом специальном языке, сопровождающимся вхождением этой лексической единицы в другую терминосистему [*память* — *память* (ЭВМ), *гусеница* — *гусеница* (танка)]; 3) наличием у того или иного сложного, многоаспектного объекта идентичных наименований, обозначающих в каждом из специальных языков (в каждой из терминосистем) разные понятия, в зависимости от того, под углом зрения какой из профессий (или идеологий) рассматривается данная реальность (*гидроэлектростанция* в области энергетики и гидротехники, *религия* в церковной и атеистической трактовке).

Среди явлений отклонения от однозначного соответствия понятия и выражающего его термина упоминается также и полисемия. Однако анализ реального функционирования терминов приводит к выводу о том, что полисемия в сфере терминов в собственном смысле нет, ибо термин как единица функциональная и имеющая тенденцию к однозначности в рамках данной терминосистемы не может иметь более одного значения в конкретном употреблении в определенном контексте без ущерба для выполнения своей коммуникативной задачи. Все случаи отклонения от моносемичности термина описываются как явления его неверного употребления, а отнюдь не как возможное его свойство (полисемичность).

Ошибочное использование терминов в рамках одного подъязыка отмечается (1) в случаях применения разных концепций к оценке некоего явления или феномена, например, в трактовке амплитуды как половины размаха колеблющегося тела либо как всего размаха; 2) в случаях метафорического использования термина наряду с его первоначальным употреблением, порождающих: а) так называемую категориальную многозначность, когда, например, термин *деформация* обозначает и процесс и результат, б) предметную многозначность, когда, например, термин *лес* обозначает и растущие деревья и лесоматериалы и т. п.

Во многих терминологических публикациях сопоставляются ряды или единицы номинации специальных понятий и предпринимается попытка выяснить, что же это такое — синонимы, дублиеты или варианты. Но в такой постановке вопрос не имеет решения, ибо сопоставляются единицы и феномены, выявленные по разным основаниям классификации. Отнесение к синонимам или дублиетам характеризует субстанциональные свойства сопоставляемых единиц, в то время как констатация отношений вариантности между терминами свидетельствует об их функциональной общности. Синонимия — лексико-семантическое явление, затрагивающее отношения между двусторонними единицами номинации, при которых в основу сопоставления кладется сравнение планов их содержания, в то время как отношения вариантности возникают между единицами, тождественными в плане содержания и различающимися лишь в плане выражения. Основу синонимии и ее частного проявления — абсолютной синонимии (дублиетности) составляет предметная соотносительность, ее стержень — денотат, в то время как основу варьирования составляет понятийная соотносительность, а ее стержень — сигнификат. Явление синонимии связано с различным названием одного предмета, соотносимого с разными понятиями, а варьирование основано на различном назывании одного понятия. Вариантность и синонимия не являются понятиями одного ряда: между дублиетами всегда присутствуют и отношения вариантности, а при определении лингвистического статуса вариантных наименований мы можем описать их как один из видов синонимов.

В соответствии с постулатом современной лингвистики о парадигматике — синтагматике терминологическую вариантность рассматривают вне функционирования терминов, где она квалифицируется как парадигматическая, а также в плане реального взаимодействия терминов с другими единицами, что квалифицируется как синтагматическая вариантность.

Однако обращение к онтологии явления варьирования терминов в его традиционном понимании приводит к мысли о том, что нет в сущности разницы между вариантами парадигматическими и синтагматическими, есть лишь различия между условиями и сферами их нахождения. В самом деле, отнесение того или иного термина в разряд вариантов некоего инварианта с необходимостью влечет за собой идентичность выполняемой им функции. Функция выражения определенного профессионального понятия присуща тому или иному знаку специальной сферы использования независимо от того, представлен ли он в данный момент в сфере фиксации или функционирует в одном из специальных текстов. Процедура подстановки на его место функционально эквивалентной единицы одинакова в обеих сферах с той лишь разницей, что в сфере функционирования выбор вариантов богаче за счет возможностей, предоставляемых контекстом. Таким образом, заменяем ли мы *лингвистику* на *языкознание* в обеих сферах исследования этих терминов-вариантов или в сфере функционирования заменяем их родовым термином *наука*, перифразой *эта научная дисциплина* либо каким-нибудь дейктическим словом (например, личным местоимением *она*) — все это члены одной большой парадигмы, в которую объединяются лингвистические единицы по признаку «быть знаком понятия „наука о языке“». В собственно синтагматическом смысле при этом ничего не меняется — замена происходит чисто парадигматическая, когда на одно и то же место линейной цепи знаков подставляются разные знаки одной парадигмы. Такова, с нашей точки зрения, онтология этого явления.

Но когда при изучении явления варьирования вступают в силу гносеологические факторы, представляется удобным различать: универсальные (внеконтекстные) явления терминологической вариантности, регистрируемые в сфере фиксации терминов, и локальные явления терминологической вариантности, возникающие только в определенном контексте сферы функционирования. За первыми по традиции закрепилось название парадигматической вариантности, за вторыми — синтагматической вариантности. Какова же причина, каков внутренний механизм варьирования терминов? На наш взгляд, таких причин по крайней мере две: 1) языку, в том числе и специальному, внутренне присуще варьирование (причина парадигматической вариантности); 2) в языке действует принцип экономии усилий, языку присуща лапидарность (основная причина синтагматической вариантности).

Рассмотрим каждое из проявлений вариантности терминов.

Парадигматические отношения — это, как известно, отношения между языковыми единицами, могущими занять место друг друга в одной и той же позиции. В немногочисленных опубликованных до последнего времени работах, посвященных проблеме парадигматической вариантности терминов [4, 5], не все представляется бесспорным с позиций вариологии. В ряде случаев используемая терминология парадигматической вариантности вступает в противоречие с терминологией лингвистики. Кроме того, в упомянутых работах предпринимается главным образом физический подход к изучению терминологической вариантности, что предоставляет значительно меньше возможности исследователю.

В сфере парадигматической вариантности терминов обращает на себя внимание индуктивный подход к ее изучению, когда исследователь исходит из частных проявлений вариантности. При этом в поле зрения лингвистов оказываются, как правило, лишь традиционные, общепринятые и выступающие в наиболее очевидной форме случаи варьирования. Полную картину явлений терминологической вариантности можно создать лишь на основе дедуктивного метода, идя от общего к частному, исследуя все логические возможности варьирования.

В соответствии с постулатами Ч. Огдена и Д. Ричардса разложим на составляющие знак специальной сферы использования, проанализируем условия появления различных комбинаций этих составляющих и определим лингвистический статус этих комбинаций.

Итак, в плане выражения термин — знак (фонетическое слово, ноема), в плане содержания он обозначает некоторый объект (денотат) и выражает понятие о нем (сигнификат). Инвариантом для определенного парадигматического ряда является сигнификат. Исходя из этого, попытаемся определить лингвистический статус вариантов лексических единиц, появившихся в результате изменения знака (фонетического слова) и предметной соотнесенности (денотата) при стабильном сигнификате. С другой стороны, определим также и лингвистический статус лексических единиц, не являющихся вариантами (в связи с различающимися сигнификатами у сопоставляемых терминов), поскольку эти единицы должны быть четко противопоставлены вариантам (см. табл.).

Сразу же исключим из рассмотрения тривиальные и достаточно очевидные комбинации — первую (когда у терминов сигнификат, денотат и материальный знак совпадают, т. е. лексическая единица тождественна самой себе) и последнюю, когда все три характеристики (сигнификат, денотат, знак) терминов различны, т. е. отсутствует базовый показатель для сопоставления, чему в сфере специальной лексики соответствуют два абсолютно разных термина различных терминосистем. Отметим также, что в данном случае для наглядности взяты примеры с однословными терминами, хотя все дальнейшие рассуждения могут быть экстраполированы и на любой *n*-словный термин.

Как видно из таблицы, в качестве вариантов термина могут рассматриваться только вторая, третья и четвертая комбинации — абсолютные синонимы (дублиеты), а также синонимы и омонимы по сигнификату, т. е. только эти лексические единицы могут выступать в специальной сфере

№	Характеристики терминов			Лингвистический статус терминов	Пример терминов
	Сигнификаты	Денотаты	Знаки		
1	=	=	=	тождественные термины	—
2	=	=	≠	абсолютные синонимы (дублиеты)	языковедение — лингвистика, шнек — червяк
3	=	≠	≠	синонимы по сигнификату	прогностика — футурология, лексика — словарь
4	=	≠	=	омонимы по сигнификату	память — память (ЭВМ), гусеница — гусеница (танка)
5	≠	=	=	омонимы по денотату	гидроэлектростанция (энерг. и гидротехн.); религия (церк. и марксист. трактовка)
6	≠	≠	=	полные омонимы	морфология (естеств. и лингв.); операция (воен. и мед.)
7	≠	=	≠	синонимы по денотату (эквиваленты)	метан — болотный газ; укол — инъекция
8	≠	≠	≠	абсолютно разные термины	—

¹ В графе с соответствующей характеристикой ставится знак =, если данная характеристика у терминов совпадает, и знак ≠ в случае их несовпадения. Однако констатировать совпадение или несовпадение сигнификатов (а ряде случаев и денотатов) можно весьма относительно, поскольку в условиях реального функционирования их = или ≠, как правило, являются переходными.

в качестве вариантных названий профессионального понятия (остальные — функционально различающиеся лексические единицы).

Самой очевидной и простой по критериям выделения среди других групп терминов-вариантов является группа лексических единиц, которые лингвисты называют абсолютными синонимами, а терминологи — дублиетами. Возможность параллельного функционирования дублиетов в тексте общеизвестна и давно утверждена практикой.

Еще одну разновидность абсолютных синонимов дают нам предметные области, в которых сосуществуют две системы обозначения ее реалий: словесная и символическая (вода — H_2O , медь — Cu , градус Цельсия — $^{\circ}C$, длина — L , масса — M). Отмеченное явление не может быть описано с позиций традиционной общезыковой синонимии, ибо это следствие многовекового развития дублиетных систем номинации, обозначающих одну и ту же систему понятий в рамках одного подязыка. Появление, развитие и успешное сосуществование дублиетных систем номинации вызвано настоятельной необходимостью в компактном представлении информации. Обычно принято считать, что принцип экономии усилий реализуется в процессе коммуникации, а в данном случае можно думать, что он начал действовать на докоммуникативной стадии в сфере номинации. Выбор способа номинации — *железо* или *Fe* — представляется едва ли не вкусовым (или во всяком случае почти равнозначным), а выбор способа представления того или иного уравнения реакции в органической химии обусловлен принципом экономии, ибо несопоставимы для химика по объему и времени, затраченному на написание, строчка уравнения и две страницы его словесного описания. В вопросе о праве дублиетов на параллельное существование в текстах нет единой точки зрения, статус дублиетов-символов, думается, еще один аргумент в пользу возможного их сосуществования в языках науки и техники.

Вторая группа терминов-вариантов — так называемые синонимы по сигнификату, т. е. лексические единицы, у которых при совпадающем

сигнификативном значении различны и знаки, и обозначаемые реалии, объекты. Синонимы по сигнификату часто параллельно используются в публицистике и научно-популярной литературе как взаимозаменяемые наименования. Что же касается использования их в научной литературе, то это обязывает говорящего или пишущего прибегать к каждому из терминов дифференцированно в зависимости от обозначаемого денотата. Так, прогностика — это наука о методах исследования тенденций развития тех или иных объектов, а футурология — наука о будущем (о чем говорит и этимология этих терминов). Но вследствие заметного схождения в методах и результатах исследований представляется возможным параллельное их использование при условии некоторого метонимического переосмысления.

В основе синонимии по сигнификату лежит метонимия, возникающая в результате ассоциаций по смежности одного из компонентов синонимической пары (или ряда), например, *лексика* — *словарь* (нетрадиционное использование термина *словарь*: ассоциация «одно в другом»); *пища* — *стол* (нетрадиционное использование термина *стол*: ассоциация «одно в другом»); *конфигурация* (*крыла*) — *геометрия* (*крыла*) (нетрадиционное использование термина *геометрия*: ассоциация «отрасль знания — объект знания»). Ср. также многочисленные случаи совпадения (полного или частичного) выражаемых понятий у терминов, соотносимых с разными реалиями (*космонавт* — *астронавт*, *предприятие* — *фирма*).

Третья группа терминов-вариантов — омонимы по сигнификату, лексические единицы, принадлежность которых к вариантам обеспечивается идентичностью их сигнификатов, а принадлежность к омонимам — тождеством их знаковой формы. Различаются они лишь обозначаемым денотатом. В основе явления омонимии по сигнификату в сфере терминов лежит метаморфическое переосмысление, связанное с переносом наименования с одного предмета на другой на основе сходства объектов. Омонимы по сигнификату в одном контексте практически не используются. Такова группа терминов-вариантов.

Среди терминов, не являющихся вариантами в собственном смысле, наиболее простыми и очевидными с точки зрения определения их лингвистического статуса являются полные омонимы — термины, идентичные в плане выражения, но абсолютно несоотносимые в плане содержания, т. к. они обозначают разные объекты и выражают различные понятия разных предметных областей.

Вторая группа терминов-невариантов — это синонимы по денотату, лексические единицы, у которых совпадают лишь обозначаемые денотаты. Номены этих терминов различны, как различны и выражаемые ими понятия, на что справедливо обращает внимание В. М. Лейчик [5, с. 104; 6]: термин *метан* выражает химическое понятие о газе с определенным набором свойств и характеристик, а *болотный газ* выражает техническое понятие, основанное на его свойстве скапливаться в болотах.

Еще одну разновидность синонимов по денотату, связанных относительной эквивалентностью, в рамках одного подязыка представляют явления контекстно обусловленной замены видového термина родовым. Случаи замены могут быть как в пределах пары терминов (*пчела* — *насекомое*, *гранулятор* — *аппарат*), так и целого ряда (*овчарка* — *собака* — *животное*).

И, наконец, третья группа терминов-невариантов — омонимы по денотату, лексические единицы, идентичные в плане выражения, обозначающие один и тот же предмет (денотат), но выражающие разные понятия о нем (или разные аспекты одного понятия?).

Опираясь на мнение Л. Л. Кутиной [6, с. 22], можно думать, что научно-техническое понятие — это понятие содержательное, многоаспектное, включающее в себя целый ряд признаков и их связей, а также отношений данного понятия к существующей системе понятий. Описание такого понятия по существу своему энциклопедично. Что же касается термина, то его значение, которое раскрывается через дефиницию, включает лишь

признаки, необходимые и достаточные для выполнения различительной функции, позволяющей безошибочно выделить данный термин в его терминосистеме.

Вопрос о соотношении понятий, выражаемых терминами — омонимами по денотату, может, как нам кажется, иметь лишь два решения: либо выражаемые ими понятия — части целого, большого многоаспектного понятия (и тогда, например, химический термин *вода* выражает лишь один, химический аспект многоаспектного понятия «вода», а гидротехнический термин *гидроэлектростанция* отражает лишь гидротехническую специфику этого обширного понятия), либо понятия, выражаемые терминами — омонимами по денотату, автономны, будучи самостоятельными понятиями.

Первое решение могло бы быть приемлемым для естественно-научных и технических терминов, если бы не необходимость при таком решении каждый раз выделять ядро дифференциальных признаков, вначале общих для определения всего класса (например, для различения воды и не-воды), а затем специфических — позволяющих установить принадлежность данного понятия непосредственно к конкретной предметной области (например, для выявления понятия, раскрывающего сущность химического термина *вода*). Думается, такое решение вопроса ни социолингвистически, ни тем более психолингвистически не может быть оправдано.

Если же прибегнуть к примеру с общественно-политическими терминами — омонимами по денотату, то альтернативы не остается. Для этих терминов лишь второй вариант ответа представляется приемлемым, ибо нельзя же вместить в одно понятие, например, церковное и марксистское представления о религии или коммунистическую и буржуазную трактовки демократии и т. п. Таким образом, в дальнейшем мы будем исходить из самостоятельности понятий, выражаемых терминами — омонимами по денотату, и возможности их автономного функционирования.

Оправданность такого решения вопроса и его адекватность реальному соотношению объектов номинации и номинатов могут быть показаны на примере термина *гидроэлектростанция* (ГЭС). Совершенно естественно, что ГЭС в терминосистеме энергетики (ГОСТ 19431—74) определяется как «предприятие или установка, предназначенные для производства электрической энергии», а в терминосистеме гидротехники (ГОСТ 19185—73) как «комплекс гидротехнических сооружений». Между тем в ныне действующих методических установлениях запрещается стандартизировать один и тот же термин в двух различных значениях. В подобных случаях рекомендуется поступать следующим образом: если данный термин стандартизирован, а в каком-либо другом стандарте в целях системности представления лексических единиц оказывается необходимым его присутствие, то термин помещается в левую часть стандарта обычным образом, а в графе «Определение» указывается, что дефиниция дается по такому-то ГОСТ'у. Могло ли удовлетворить разработчиков и потенциальных потребителей энергетического стандарта определение ГЭС как комплекса сооружений либо гидротехников определение ГЭС как предприятия для производства электроэнергии? Ответ на этот вопрос, думается, однозначен.

Итак, мы рассмотрели все логические возможности варьирования составляющих знака специальной сферы использования и убедились, что все они могут быть описаны весьма компактно и унифицированно в терминах всего лишь двух лексико-семантических явлений — синонимии и омонимии¹.

«Синтагматические отношения — это линейные отношения между языковыми единицами в потоке речи. Это отношения сосуществования и последовательности во времени...» [7, с. 259]. Синтагматические отношения — это, наконец, «отношения по горизонтали». Из этих положений и следует, по-видимому, исходить при типологии явлений синтагматической вариантности. Таким образом, в сферу синтагматической вариантности

¹ Полученный вывод согласуется с тезисом Ю. С. Степанова о том, что омонимия и синонимия — две оси в системе языка [7, с. 34—37].

терминов попадают явления варьирования физической, «горизонтальной» протяженности единиц номинации и все случаи замещения терминов невариантными единицами номинации (например, видового термина родовым) и нетерминологическими единицами (дейктическими словами и перифразами), т. е. специфически речевые проявления вариантности.

При сопоставлении синтагматических и парадигматических вариантов обращает на себя внимание нечеткость в их разграничении. Дифференциация синтагматических и парадигматических вариантов только по принципу сферы их проявления — сфера ли это языка или сфера речи, — по-видимому, никак не продвинет нас в изучении онтологии этого явления. В данном случае напрашивается вывод о том, что у этих вариантов должны быть различные инварианты. Поэтому можно полагать, что если у парадигматических вариантов инвариантом является сигнификат, то для синтагматических вариантов, возникающих в сфере коммуникации, инвариантом будет соотносительная с коммуникативной единицей единица семантики. При этом должны сопоставляться как варьирующиеся минимальные коммуникативно законченные единицы (предложения). Таким образом, только при условии инварианта смысла высказывания есть основания говорить о вариантности в структуре этого высказывания той или иной лексической единицы в синтагматическом аспекте.

В работе [8] был предложен один из путей решения проблемы синтагматической вариантности, который, как нам кажется, может быть взят за основу с учетом тех новых выводов, которые были сделаны в [9]. В современном языке и особенно в сфере терминологии наблюдается постоянное стремление к компрессии. Материальным проявлением его являются эллипсис, аббревиация и различные неязыковые приемы сокращения. Продукт аббревиации — различные аббревиатуры и акронимы. Продукт эллипсиса — краткий и неполный варианты термина. Результат неязыковых приемов сокращений — различные словосимволы.

Таким образом, принятое в методиках стандартизации разрешение на использование наряду с полным термином того или иного его краткого варианта в сфере фиксации оказывается просто ненужным, а в сфере функционирования противоречит закону человеческой коммуникации — и в том и в другом случае нет оснований для его сохранения в нормативных документах.

И наконец, опираясь на онтологию терминологической вариантности, коснемся ряда ключевых проблем современного терминоведения.

Проблема определения основных понятий любой науки периодически актуализируется по мере появления новых знаний о природе исследуемого объекта. Нечто подобное наблюдается ныне в современном терминоведении, когда все возрастающее количество знаний о термине и терминосистемах переходит в качественно новые представления о природе и функциональном статусе этих понятий. Предпринимаются попытки обобщения достижений терминоведения за 8—15 лет, на основе которых формулируются новые определения термина [4, 10—12].

Первое, что обращает на себя внимание в определениях термина (а именно термин считается первым из основных понятий терминологической науки), — несоответствие их современным системным представлениям о терминологии. Несмотря на господствующее ныне мнение об относительности существования термина, о первичности системы терминов и вторичности ее элементов (термин существует лишь постольку, поскольку является элементом этой системы), практически все предпринимавшиеся до сих пор попытки определения основных понятий терминоведения вначале адресуются к термину и только потом на основе его дефиниции к терминосистеме (терминологии). А это методологически некорректно.

Основной прием определения понятия, как известно, — определение через ближайший род и видовое отличие. Таким образом, точность и научная ценность определения зависят от того, насколько верно выбран ближайший род и как отражает специфику определяемого его видовое отличие. В качестве ближайшего рода в дефинициях термина по традиции

называются «слово или словосочетание», но если исходить из первичности целого (системы) и вторичности составляющих его элементов (терминов), то ближайший род оказывается иным — это элемент (член) терминологии (терминосистемы) определенной предметной области. Кроме того, как указывалось ранее [13], вследствие системности окружающего мира нет и не может быть понятия (а следовательно, и выражающего его термина), которое бы не было системно связано с другими понятиями данной предметной области, и, следовательно, каждый термин существует лишь как член определенной системы терминов. Поэтому признаком системности представляется необходимым при определении термина.

Субстанционально являясь словом или словосочетанием, термин, естественно, не может не содержать указания на это в своей дефиниции. Однако утверждение о том, что термин — слово или словосочетание, будет до конца верным лишь в том случае, если исходить из вариологических представлений о существовании каждого слова или словосочетания в виде некоторого класса. Но поскольку в большинстве работ, особенно в сфере практического терминоведения, идеи вариологии еще не стали общепринятыми, представляется целесообразным ввести в определение дифференциальный признак в а р и а н т н о с т и в эксплицитной форме.

Современный уровень знаний о термине позволяет, с нашей точки зрения, ввести в определение еще один дифференциальный признак, характеризующий синтаксическую структуру составного термина. Относительно синтаксической структуры составного термина высказываются разнобразные точки зрения, экстремальные из которых: а) термин — только слово и б) термин — словосочетание с любым числом словесных позиций, не содержащее одновременно субъекта и предиката высказывания. Истина, однако, как нам кажется, лежит где-то посередине.

Исходя из результатов лингвостатистических исследований ряда терминологий, и в частности терминологии химического машиностроения [14], можно полагать, что термин — это либо слово, либо устойчивое воспроизводимое в текстах данной предметной области словосочетание, специфичное для данного подъязыка и образованное по принятой в подъязыке модели.

Резюмируя вышесказанное, можно сформулировать следующие определения. Т е р м и н о л о г и я — система знаков некоторой специальной области деятельности, изоморфная системе ее понятий и обслуживающая ее коммуникативные потребности. Т е р м и н о с и с т е м а — терминология, в которой эксплицитно представлены ее системные свойства². Т е р м и н — элемент терминологии (терминосистемы), представляющий собой совокупность всех вариантов³ определенного слова или устойчиво воспроизводимого словосочетания, выражающих профессиональное понятие, относящееся к некоторой специальной области деятельности.

Следует специально затронуть вопрос о тех «обязательствах», которые накладывает на нас принятие подобного определения термина, ибо достаточно непривычно представление о дублетах (*языкознание и лингвистика*) и синонимах по сигнификату (*прогностика и футурология, диетическая пища — диетический стол*) как об одном термине. Между тем терминоведением со времен Г. О. Винокура взят на вооружение тезис о том, что «термин — понятие функциональное, а не структурно-субстанциональное» [16, с. 442]. Функция термина — выражать специальное понятие, а данное конкретное понятие может быть репрезентировано целым классом лексических единиц. Но в терминах вариологии выражаемое понятие соотносимо с инвариантом, а класс единиц, его репрезентирующих, с вариантами термина. Почему же из двух или нескольких единиц (вариантов), объединенных по принципу идентичности их значения (инварианта) в определенный класс, каждая признается самостоятельным термином? Не логичнее ли (поскольку они выражают одно и то же понятие) считать их

² Такое понимание терминосистемы заимствовано из работы [15].

³ В том числе словоизменительных форм (для флективных языков).

функционально одной единой номинации (одним термином), имеющей варианты плана выражения? Таким образом, в состав термина должны входить все его варианты: дублиеты, синонимы по сигнификату и омонимы по сигнификату в совокупности их словоизменительных форм. В противовес этому в общезыковой сфере синонимы (например, *лысы* и *плешиный*), будучи единицами субстанциональными, — разные слова.

Подход к определению основных понятий терминоведения с позиций вариологии позволяет избежать ряда заблуждений и упущений, возникающих при забвении или игнорировании свойства вариабельности, присущего языковым объектам, в том числе терминам. Так, например, неправомерно отождествляется сфера фиксации той или иной предметной области и ее терминосистема. При этом утверждается, что материал, содержащийся в словаре, терминологическом стандарте, сборнике рекомендуемых терминов, и есть терминосистема. Это — неверная точка зрения уже хотя бы потому, что в таком случае в терминосистеме не найдется места для многочисленных вариантов (кроме парадигматических) терминов, а это противоречит ее языковой природе. Исходя из того, что каждая терминологическая единица существует в виде целого класса, представляется естественным вывод о том, что терминосистема очень велика и, как правило, не а б л ю д а е м а. В стандарты же и сборники рекомендуемых терминов должны помещаться лишь основные термины, выражающие понятия наиболее высоких уровней классификационной иерархии. Из этих терминов, единиц номинации данного подязыка, в дальнейшем могут образовываться различные сочетания терминов.

Проблема краткости термина — одна из важнейших проблем терминоведения — издавна привлекает внимание исследователей. Желание оперировать кратким наименованием того или иного специального понятия (в сущности, вполне естественное) породило необоснованное в своей категоричности требование: термин должен быть кратким. Тезис о краткости термина, сформулированный в трудах Д. С. Лотте, достаточно гармонично вписывался в систему требований к у п о р я д о ч е н н о м у термину, в то время как последующие интерпретации существенно вульгаризовали и смысл тезиса и уровень его категоричности.

Современная терминологическая ситуация, как отмечалось многими исследователями, характеризуется появлением большого числа многословных терминов. Объясняется это тем, что углубление знаний человечества о ранее открытых предметах и явлениях заставляет исследователей добавлять все большее число атрибутов к известным терминам. Новое сложное понятие должно синтезироваться в совокупном сознании специалистов той или иной предметной области, и лишь после этого взамен временного, аналитического наименования в профессиональный обиход может быть введено новое компактное название — термин. Аналитическое наименование — не что иное, как словесная калька выражаемого понятия, инвариант термина, представленный той же самой субстанцией термина, ибо иной возможности ни говорящий, ни пишущий на данном специальном языке не имеют.

Проблема краткости термина, выросшая из практических потребностей, в плане теоретическом представляется в достаточной степени надуманной. Естественно, краткий термин значительно удобней в «эксплуатации», чем длинный. Но где критерий их разграничения? Сколько словесных позиций должно быть в кратком термине и с какого их количества он перестает быть кратким и переходит в разряд длинных?

Термин не должен быть ни длинным, ни кратким — он должен быть объективно физически протяженным. Причем число словесных позиций в термине не является первичной характеристикой для того или иного наименования профессионального понятия. Более важной, определяющей также и число словесных позиций в термине, является характеристика его синтаксического строения, модель, по которой построено данное терминологическое словосочетание. Набор таких моделей для каждой предметной области невелик, он вряд ли превышает 20 моделей, а чаще всего это 12—15 моделей, специфичных вооб-

ще для языка науки и техники и лишь незначительно варьирующихся для какого-либо конкретного подъязыка.

Как показало исследование, проведенное на материале текстов по химическому машиностроению, 79,4% всех обследованных терминов образовано по компактным, устойчиво воспроизводимым моделям [14].

Таких моделей для терминосистемы химического машиностроения было выделено по крайней мере пятнадцать: $C, C \rightarrow C, P \leftarrow C, C \rightarrow (P \leftarrow C), P \leftarrow C \rightarrow C, C \rightarrow C \rightarrow C, P \leftarrow (P \leftarrow C), C \rightarrow C \rightarrow (P \leftarrow C), P \leftarrow C \rightarrow (P \leftarrow C), C \rightarrow C \rightarrow C \rightarrow C, P \leftarrow C \rightarrow C \rightarrow C, (C \rightarrow C) \xrightarrow{g} C, C \rightarrow [P \leftarrow (P \leftarrow C)], C \xrightarrow{c/6} (P \leftarrow C), (C \rightarrow C) \rightarrow (P \leftarrow C)$. Таким образом, в качестве рабочей гипотезы вполне может быть принята следующая: все образованные по устойчиво воспроизводимым моделям словесные конструкции — термины; все словосочетания, число словесных позиций в которых превышает заданное, — сочетания терминов. Они подлежат разбиванию до словосочетаний заданных списком размеров [17].

Для раскрытия значения термина необходимо, как известно, построение его дефиниции. Структура словарной статьи в терминологической лексикографии традиционна: в левой части — *definiendum*, в правой — *definiens*. Покажем на примере анализа терминологического стандарта, который ничем принципиально от других продуктов терминографии не отличается, сколь непрост в теоретико-методологическом аспекте процедура выбора лексических единиц, подлежащих занесению в левую часть. В работе [18] отмечалось, что в левую часть терминологического стандарта помещаются не термины (если речь идет о многословных терминах, которых ныне абсолютное большинство), т. е. реально функционирующие в специальных текстах единицы номинации, а как бы словесные кальки основных понятий, т. е. инварианты. Таким образом, в структуре терминологии под влиянием наметившейся тенденции к увеличению числа словесных позиций в термине стихийно сложилась традиция помещать инвариант вместо термина в левую часть стандарта. Но возникает естественное возражение: как может вместо лингвистической единицы выступать ее инвариант, если вспомнить, что они негомогенные объекты? Прежде чем ответить на этот вопрос, следовало бы обосновать выбор инварианта в качестве объекта дефинирования. Проанализируем все логические возможности выбора объекта дефинирования. Их три: либо это вариант, либо эталон (т. е. образцовый вариант [2]), либо инвариант.

Рядовым вариантом объект дефинирования не может быть уже хотя бы потому, что весьма сложно будет обосновать выбор именно этого варианта из множества других, и, наконец, как было показано ранее, варианты могут быть столь различными в плане выражения, что занесение одного из них в сферу фиксации вызвало бы неоправданное усложнение пользования другими вариантами, а в большинстве случаев сделало его просто невозможным. Эталонный объект дефинирования не может быть вследствие того, что представления об эталоне связаны с чем-то стабильным, неизменяемым, образцовым, в то время как реально функционирующие языковые единицы, в том числе и термины, выступают в виде существенно различающихся вариантов. Остается последнее: объект дефинирования — инвариант. Но как его материально представить, памятуя в том, что инвариант и термин, его обозначающий, — негомогенные объекты? Хороший пример в этом смысле приводит В. М. Солнцев [2], когда утверждает, что инвариантом различных вариантов куба является чертеж с изображением куба. Что же касается сферы терминологии, то в ней подобная возможность отсутствует. Естественный язык не располагает иной формой фиксации той или иной отражательной категории (в данном случае — понятия), кроме слов этого языка, поэтому для изображения инвариантов специальных понятий и прибегают к своего рода словесным калькам сложных понятий. В работе [18, с. 2] был показан механизм формирования сложного понятия, выражаемого многословным термином.

Подход к решению ключевых проблем современного терминоведения с позиций вариологии позволяет поставить науку о терминах на качест-

венно новую основу: углубить наши знания о языковой природе термина и в соответствии с этим построить научно обоснованную методологию практической терминологической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вариантность как свойство языковой системы: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М., 1982.
2. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
3. Березан С. Г. К проблеме лексической вариативности. — В кн.: Вариантность как свойство языковой системы. М., 1982.
4. Даниленко В. П. Русская терминология. М., 1977.
5. Лейчик В. М. Термины — синонимы, дублеты, эквиваленты, варианты. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973.
6. Кутина Л. Л. Термины в филологических словарях. — В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
7. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.
8. Авербух К. Я. Проблема вариантности терминологии и неполные термины. — В кн.: Лексика, терминология, стили. Вып. 6. Горький, 1977.
9. Гак В. Г., Лейчик В. М. Субституция терминов в синтагматическом аспекте. — В кн.: Терминология и культура речи. М., 1981.
10. Кузькин Н. П. К вопросу о сущности термина. — Вестник ЛГУ, сер. языка, истории и литературы, 1962, № 20, вып. 4.
11. Хаятин А. Д. Термины, терминология, номенклатура. Самарканд, 1972.
12. Лейчик В. М., Смирнов И. П., Суслова И. М. Терминология информатики. Итоги науки и техники. — Информатика, 1977, т. 2.
13. Головин Б. Н. О типах терминосистем и основаниях их различия. — В кн.: Термины и слово. Горький, 1981.
14. Авербух К. Я. Лингвостатистическое исследование терминологии химического машиностроения: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Горький, 1980.
15. Кобрин Р. Ю. О понятиях «терминология» и «терминологическая система». — НТИ, 1981, сер. 2, № 8.
16. Лейчик В. М. Об относительности существования термина. — В кн.: Семантические проблемы языков науки, терминологии и информатики. М., 1971.
17. Авербух К. Я. Принципы формирования сферы фиксации терминологии. — Научно-техническая терминология: стандартизация, перевод, редактирование: Тезисы зональной конференции. Челябинск, 1984.
18. Авербух К. Я. О стандартизации терминов. — НТИ, 1977, сер. 1, № 10.